

ПУБЛИКАЦИИ

А. А. Турилов

«МЕЛОЧИ НОВГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ» НАЧАЛА XVII ВЕКА

Публикуемые ниже три небольших документа 1610—х годов хранятся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме в фонде «Новгородский оккупационный архив», вывезенном из России в 1617 г. фактическим верховным правителем «Новгородского государства» Якобом Понтусом Делагарди. Выбор их для публикации продиктован сравнительной редкостью подобного рода материалов в фонде, содержащем по преимуществу документы о сборе денежных средств и продовольствия на содержание «немецких ратных людей» и о земельных пожалованиях по челобитьям русских дворян¹. Впрочем, масштабы фонда (крупнейшего собрания древнерусских документов за пределами России) и неформализованный до конца характер документации, допускающей включение «непрофильных» сведений, открывают широкие возможности для поисков здесь источников по бытовой истории (с коррекцией понятия «повседневность» в условиях Смуты). То администрации могли за чем-то понадобиться сведения о том, какое содержание получает царица-инокиня Дарья Колтовская (четвертая жена Ивана Грозного), и они получали скрупулезный перечень того, что ей полагается, и того, что выделяется на самом деле. То для порядка требовалось описать имущество, оставшееся в доме бежавшего из Новгорода священника, — и перед нами предстает длинный перечень вещей, негодных (за исключением икон) к употреблению (серия II. № 122. Л. 63—65). С богатого погоста на Волховском пороге пытались взыскать недоимку за несколько лет, и в ответ получили подлинную хронику драматических событий — перечень всех войск, прошедших за это время через богатое селение с точным учетом всех поборов (вероятно, земский дьячек аккуратно вел и хранил архив, уцелевший во всех перипетиях). В результате проверки полученных подсчетов — редчайший случай — оправдания были приняты, а недоимка официально прощена (серия II. № 4.51/1).

Подобный перечень нетрудно продолжить. Но уже и из него видно, что документальная подборка «Мелочи новгородской жизни» начала XVII в., начинающаяся в этом номере, при всей ее несистематичности, имеет и право на существование и большие перспективы.

¹ О фонде см.: Черепнин Л. В. Обзор фонда Новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме // Проблемы источниковедения. Т. IX. М., 1961. С. 221—257; он же. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 454—470.

1. 1612 г. Челобитье «чернильных дел мастера».

Не секрет, что большой уже в XVI в. бюрократический аппарат России требовал огромного количества (буквально ведер) чернил. И в больших канцеляриях столицы и крупных городов производство столь необходимого продукта должно было носить централизованный характер. В Новгороде в 1610-х годов чернила для дворцовой (приказной) избы варил сторож. Вероятно, делал он это для рядовых писцов и подьячих — судя по тому, что чернила дьяков Семена Лутохина и Пятого Григорьева отличаются цветом и консистенцией: для них они готовились индивидуально. Из челобитной, поданной сторожем Осташкой Прокофьевым в 1612 г., видно, что сам он тоже не бегал по новгородским окрестностям в поисках орешков на растущих здесь дубах, а покупал сырье на рынке (во всяком случае уверял в этом администрацию). Именно зависимость жизненно необходимого для канцелярии производства от рынка и породила челобитную. Порча денег в Смуту (уменьшение веса копейки) вызвала рост цен на сырье (орешки и квасное сусло) и прежнего рубля на год для производства чернил стало недостаточно.

Осташко Прокофьев писал челобитье сам, но, судя по почерку и орфографии, он не часто обращался к перу. Путается он и с формуляром: начинает обращение во множественном числе, переходит на единственное и вновь возвращается ко множественному. Но несмотря на невысокую грамотность, твердость позиции, изложенная в челобитье (почти ультиматум с готовностью возратить уже полученные деньги), возымела действие. Судя по резолюции, денег ему прибавили, и процесс бумаготворчества в Новгороде не прервался.

2. 1614—1615 г. Не было бы счастья, да несчастье помогло: «словесный портрет» новгородского Кириллова монастыря.

Поздней осенью 1614 г. для нужд администрации понадобился древесный уголь. Время было не самое удобное для его изготовления в лесу, а нужда срочная, и дьяк Пятой Григорьев, ведавший всевозможными хозяйственными делами, отрядил углежогов в пригородный Кириллов монастырь, где, как было известно, имелись ненужные деревянные строения. Углежогои явно перестарались (ломать не строить), и монастырское начальство забило тревогу. Для вящей убедительности в челобитной, поданной старцем Яковищем, перечислены все деревянные монастырские постройки — как пущенные на уголь, так и уцелевшие (кроме каменного собора, которому в данном случае ничто не угрожало). В результате сохранилась опись монастырских строений — вторая по древности для Новгорода (старше ее только опись монастыря Николы на Лятке 1603 г.), гораздо более подробная, чем сведения описи Новгорода, составленной после ухода шведов².

3. Конец 1613—начало 1614 г. «Московские новости».

Этот документ, сохранившийся, к сожалению, только в отрывке, для комплекса абсолютно уникален. Сведения о военных действиях и информация о событиях в России за пределами «Новгородского государства» были достоянием шведской администрации.

После избрания на царство Михаила Федоровича Романова 20 февраля 1613 г. и отказа от кандидатуры шведского принца Карла-Филиппа контакты между Москвой и Новгородом резко сократились. Уже летом начались военные действия в районе Тихвина. Обычный в мирных условиях сбор информации через приезжающих и возвращающихся купцов и агентов на пограничье в этой ситуации переставал быть действенным. Поэтому пленных людей из отряда Исака Сунбулова, стоявшего с осени

² См.: Опись Новгорода 1617 г. М., 1984. С. 112, 327.

1613 г. в Рахином острожке под Тихвином³, расспрашивали с особым пристрастием. Допрашивающих интересовало все: и силы самого Сунбулова, и стоящего в Торжке князя Трубецкого, и война с поляками (Литвой), и положение на Юге. В ответах чувствуется наличие вопросника с определенными пунктами. Но при этом состав допрашиваемых напоминает «амальгаму» показательных процессов Великой Французской революции — здесь и новгородский помещик, ходивший к Сунбулову искать управы на казаков, и двое пленных, и крестьянин, обвиненный в разбое. Датируются расспросные речи на основании упоминания двух недель «заговейна» (по всей вероятности, Рождественского поста), т. е. не ранее конца ноября 1613 г.

Из расспрашиваемых знал действительно много (правильно назвал всех воевод и послов) и был словоохотлив астраханец Аникей Васильев. Но в данном случае важнее не реальная информация (о ней следует говорить особо), а та картина, которая складывалась у допрашивающих. Она явно свидетельствовала об успехах московского правительства и не обещала в ближайшем будущем спокойной жизни «Новгородскому государству», которому, впрочем, история отмерила еще несколько лет существования.

* * *

Документы публикуются в упрощенной орфографии, выносные вносятся в строку, пунктуация приближена к современной.

1.

Московского и Новгородского государства бояром и воеводам бьет челом дворцовой избы сторож Осташка Прокофьев. Ставлю яз, государь, чернила в твою государеву дворцовую избу. А ималь(!) по рублю денег на годь(!), и ныне, государь, мни на ти деньги и подьяцы(!) ничим стало — все дорого: и сусло и оришки купяти(!) от старово вдвое и втрое. Государе бояре, пожалуйте денег в прибавку, штобы проняцы(!) мощно(!). А не пожалуете, судари, денег(!) в прибавку и мни тими подьяца ничим. А на мни по росчету деньги возьмите назадь(!). Смилуйтесе, пожалуйте.

На обороте резолюция дьяка Пятого Григорьева: Июня в 19 день. Денги даны из Ъванова приему Конанова.

(Ф. Новгородский оккупационный архив. Серия II (столбцы). № 351/9 (Денежные дела 7120 г. Л. 384).

2.

Пресветлейшему и высокороженному государю королевичю и великому князю Карлусу Филиппу Карлусовичу бьет челом Кирилова монастыря старец Яковище. По твоему государеву указу у нас в монастыре сожгли на уголье две кельи и с сеньми с рублеными, да колокольню о двунатцати столбех, да конюшенные подрубы — пять венцов и с мосты, да житницы — четыре венца да мост, да тыну стоячего десять сажен. И у нас, государь, осталось оградных келей — пять келей да трапеза, да конюшенная изба, да погреб с сушилом. Да у нас же, государь, с села с Кунина возят насильством хоромы Григорья Негановского люди. Государь⁴ королевич и великий князь Карлус Филипп Карлусович, пожалуй на ни-

³ Подробнее о событиях, связанных с обстоятельствами появления расспросных речей и их содержании см.: Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. М., 1990. С. 46—48, 104—105. Ср.: Новый летописец // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XIV. С. 130—132. Непонятно, на каком основании Л. В. Черепнин, упоминающий этот документ (См.: Черепнин Л. В. Обзор фонда Новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме. С. 257), датирует его временем около 1616 г.

⁴ Слово исправлено из другого.

щих — не вели, государь, тех достальных наших келей эжечи. А с теми детми боярскими, которые у нас хоромы с сельца возят, учини свой государев указ. Государь, смилуйся.

На обороте: 123-го (1615 г.), генваря в 17 день. Дяку Пятому Григорьеву. Кирилова монастыря келей и иног⁵ монастырского строенья на уголье жечь не велети и ис Кунина их дворцов Григорью Негановскому и иному никому возити не велети ж. Дяк Семен Лутохин.
(Там же. Столбец 122 (Рознь 7123 г.). Л. 155).

3.

...Микифор Неплюев сказал:

У Сунбулова был за 2 недели заговеина, ходил быть челом на казаков в грабеже. С Сунбуловым человек с пятьсот, вестей никаких не веда⁶. Слышел, что Трубецкой в Торшку, а с ним семь городов, да казаки. Писал к Сунбулову, велел дожидатца себя.

Ельчанин Ивашко сказал:

Пришли 10 недель, был в станице у Ивашка Яковлева. Детей боярских да казаков человек с 500. Ждет Трубецково, ныне он в Торшку и с ним казаков 1000 человек, да семь городов. Гонец пригонил, велел себя ждать. Под Смоленск пошли, а хто воивода(!) — того не ведает. Про Литву не ведает. Наливайка ждали в Колуге. Заруцкой пошел на Низ полем, а за ним ходили, и ево побили. Крымской воевал по Тулу.

Астороханец Оникейко Васильив сказал:

В острошке⁷ 500 человек казаков, а иные стоят по деревнях, Исака не слушают, детей боярских нет. Ждет Трубецково ис Торшку, пригонял от него Федор Уваров. А с ним семь городов, да 1000 казаков. На Москве стрельцов 3 приказы да 2 прибирают. Под Смоленском Мاستрюков, а с ним дворян и казаков 6000. Вязьму взяли изгоном, Гелую Литва здала⁸. Заруцкой пошел на поле, а за ним пошел князь Иван Одоевской, да Мерон(!) Вельяминов, и его не сошли; сказывают, что сослался с Кизилбашским. К Турскому послан Соловой Протасьев. На поле золотые, и сукна, и зелье послано. В Литву посылал Струс о послех московских, чтоб обменить. И жена его королю била челом в Вильне, и ей отказал, что давать послов не на одного Струса. А сказывали Голицына 2 человека. Вести из Новагорода ни от кого никакой нет.

Татаринов человек Микифорко Перфирьев сказал:

Взяли ево в Павлове поместье Литвина⁹, Левонтья Рудницково убили¹⁰, а мужики Павловы 5 человек, Трешка Лешовов с товарищи. Да он приехал к ним ночью, и оне чаяли, что грабить приехали. А платье его у крестьян. Лошадеи продали Арцыбашевым.

Посланы все в тюрьму съ Иваном Толмачевым да з Гришею...

(Там же. № 16).

⁵ Два слова зачеркнуты.

⁶ Слово не дописано в оригинале.

⁷ Перед этим зачеркнуто: в Торш.

⁸ Возможно чтение: здали.

⁹ Далее зачеркнуто слово: убили.

¹⁰ Слово вписано над строкой.

